

ISSN - 2712-9705

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
"CHRONOS: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ "**

№ 3 (20)/2020

Члены редакционной коллегии:

- Бойко Д.П д-р филол. наук, Волгоградский государственный социально-педагогический университет
- Кузнецов О.В канд. ист. наук, Бурятский Государственный Университет
- Опенько А.А канд. филос. наук, Национальный университет «Киево-Могилянская академия»
- Асаналиев Уланбек Аскарбекович- канд.полит.наук, Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
- Смутко Алексей Николаевич — канд.филос.наук, КГУ им. И.Арабаева

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович
Верстка: Курпатова Ирина Александровна

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал «Chronos: естественные и технические науки»

Электронная почта: society@chronos-journal.ru

Официальный сайт: chronos-journal.ru

Учредитель и издатель ООО «Serenity-Group»

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии:
117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17Б пом. XI ком. 139

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Белова С.Л., Расцветаева О.А., Чапурко Т.М.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ СФЕРЫ БАНКРОТСТВА В РОССИИ (ПО ИТОГАМ ПЕРВЫХ 20 ЛЕТ XX ВЕКА) 4

Пальчиков А.В., Кулик С.В., Тушев А.А.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА 7

Фомичева Э.С., Чапурко Т.М.

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ИЗНАСИЛОВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 10

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рожина Е.Н.

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ПРАКТИКЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА 13

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алиева Э.А.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ ФОРМ УСТНОГО ДИАЛОГА В ЯЗЫКЕ
ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ 15

Лашина Е.Б.

КОДОВЫЙ ИНТЕРТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА 17

Лю Юйцинъ

ВИТАЛЬНАЯ И МОРТАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ВРЕМЕННЫХ РАМОК РОМАНА Б.
ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» 20

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ СФЕРЫ БАНКРОТСТВА В РОССИИ (ПО ИТОГАМ ПЕРВЫХ 20 ЛЕТ XX ВЕКА)

Белова Светлана Леонидовна
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина»
аспирант, Тамбов

Расцветаева Оксана Анатольевна
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина»
аспирант, Тамбов

Чапурко Татьяна Михайловна
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина»
профессор, Тамбов

TO THE QUESTION OF CRIMINALIZATION OF THE SPHERE OF BANKRUPTCY IN RUSSIA (BASED ON THE RESULTS OF THE FIRST 20 YEARS OF THE 20TH CENTURY)

Аннотация. Вопросы криминологического анализа авторы приводят в качестве социолого-правового научного исследования и ставят перед собой задачи по выявлению отдельных (типовых) преступных схем и криминальных явлений (процессов) широко распространившихся в обществе и, в частности, в сфере банкротства за последние 20 лет.

Objectives. The criminological analysis in this article is inherently a sociological and legal scientific study and sets itself the task of identifying individual (typical) criminal schemes and criminal phenomena (processes) widespread in society and, in particular, in the field of bankruptcy over the past 20 years.

Ключевые слова: криминальное банкротство, криминализация экономики, эволюция организованной преступности, социальный регресс, криминальные схемы в банкротстве, криминология

Keywords: criminal bankruptcy, criminalization of the economy, evolution of organized crime, social regression, criminal schemes in bankruptcy, criminology

Сфера банкротства поражена типичными патологическими процессами, как и вся сфера экономических отношений в современной России, о криминализации которой проведено не мало научных исследований и опубликовано статей. В настоящей статье используется понятие *криминализации*, достаточно емко раскрытое Клеймёновым И.М., предлагающим понимать это явление как процесс проникновения преступности в ткань общественных отношений, а в более конкретном смысле как социально регрессивный эволюционный процесс, организуемый криминальными образованиями нового типа (ИДМ-преступностью), реализуемый противоправными средствами, создающими множество глобальных угроз и угроз национальной безопасности, нацеленный на получение сверхприбыли [1, с. 200-207]. Как видно из данного понятия, это управляемый процесс и значит, есть акторы.

Профессор А.С. Овчинский в своих трудах обосновывает концепт интрузивно-деструктивно-мимикрийной (ИДМ) преступности, которую представляет актором криминализационного процесса и новым объектом криминологических исследований. Новый вид субъекта процесса криминализации принципиально отличается от классической организованной преступности, во-первых, тем, что является в определенной мере порождением системы сложившихся в обществе правовых, экономических и политических отношений, включая распределение властных и управленческих полномочий, как в высших эшелонах власти, так и во властных структурах всех уровней, во-вторых, используя властные и управленческие полномочия, создает такие экономические и политические отношения в обществе, которые способствуют увеличению и совершенствованию механизмов криминального обогащения, в-третьих, использует подчиненную информационную среду для внедрения механизмов непризнания общественно опасной деятельности преступной, в-четвертых, в отличие от классического типа, который занимается запрещенными видами деятельности, новый тип ИДМ-преступности создает правовые и экономические условия для получения сверхприбыли, уклоняясь от ответственности, в-пятых, в отличие от теневой экономики, которая создает товары и предоставляет услуги, новый тип преступности фактически занимается хищением бюджетных средств и средств внебюджетных фондов, в-шестых, извлекает сверхприбыль путем разрушения реального сектора экономики, в-седьмых, новый вид преступности эффективно использует инструментарий уголовно-правовой декриминализации и целенаправленных амнистии [2, с.75-77].

Номоконов В.А. еще в 2012 году писал, что отечественная политика «декриминализации» превращается в свою противоположность, во-первых, потому что государственное воздействие на

преступность совершенно неадекватно складывающейся криминальной ситуации, ссылаясь на статистику соотношения количества сообщений и заявлений о преступлениях к количеству зарегистрированных преступлений и к количеству возбужденных дел от общего числа сообщений и зарегистрированных заявлений (на 2011 г. сообщений о преступлении 24,6 млн., из них зарегистрированных заявлений – 2,4 млн., доля возбужденных дел из общего количества сообщений и заявлений о преступлениях – 8%). При этом автор выявил парадоксальную картину, где при ежегодном росте сообщений о преступлениях выявлено упорное снижение правоохранительными органами числа зарегистрированных преступлений, а также снижение доли возбужденных уголовных дел. Во-вторых, как уголовная политика, так и уголовное законодательство, и до наших дней лоббируются коррумпированными чиновниками, поскольку изменения в Уголовный кодекс РФ как на 2012 год, так и в последние годы вызывают всё большее недоумение учёных и практиков.

В качестве примеров Номоконов В.А. приводит произошедшую в 2003 году отмену конфискации как меры наказания, и допустимость условного осуждения при назначении наказания в виде лишения свободы на длительные сроки (чему нет аналогов в мировой практике). Это и более поздняя отмена нижних пределов санкций во многих статьях Уголовного кодекса РФ и др. Это, наконец, и декриминализация товарной контрабанды в декабре 2011 года, наделение судов правом самостоятельно (нонсенс!) определять категорию преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ) и т.д. Также приводятся примеры не только коррумпированности ряда норм Уголовного кодекса РФ, но и об их общей криминогенности [3, с. 48-57].

Петербургские криминологи все чаще обращают внимание на криминальную практику борьбы с преступностью, когда государство в лице сотрудников правоохранительных органов всё чаще втягивается в разнообразные схемы преступного поведения - рейдерские захваты, в том числе через криминальное банкротство и мошеннические схемы, «крышевание» незаконной деятельности, фабрикация уголовных дел и т.п. [4, с. 16].

В 2010 году председатель Конституционного суда РФ Зорькин В.Д. указывает на реальную угрозу конституционному строю в виду сращивания власти и криминала по модели, которую сейчас называют «кущевской», что уже перестает быть явлением уникальным и в случае завершения процесса оформления такой патологии в полной мере, наше государство перестанет быть криминализированным и станет криминальным [5].

Одним из примеров такого процесса может быть факт не увольнения и уголовного наказания, а всего лишь понижение в должности и очередное назначение экс-прокурора Кушевского района Краснодарского края на очередную прокурорскую должность в Краснодарском крае при том, что в ходе расследования «кушевского» беспредела следственными органами были выявлены факты явного покровительства преступников со стороны правоохранительных органов и органов прокуратуры. В стране создана «исполнительная вертикаль» или «управляемая демократия». Коррупция и отсутствие верховенства закона делает режимы преступными.

Аналогичные выводы содержатся в исследованиях Г.П. Харчилавы, который делает вывод о возникновении новой социально-экономической реальности, заключающейся в формировании устойчиво воспроизводящейся системы высоко-криминализированных отношений [6, с. 3].

А.В. Галянин выделяет институт экономической преступности. Формулируя его как постоянно воспроизводящиеся деструктивные неформальные отношения и оппортунистические действия институциональных акторов, направленные на реализацию собственных интересов, связанные с нарушением установленных государством правил и норм [7, с. 5, 9].

Л.М. Тимофеев и И.М. Клямкин говорят о «формировании теневого порядка, существующего параллельно официальному и во многом вопреки ему...» [8, с. 595]. Зафиксирован также преобладающий тип сознания - морально-репрессивный, что может стать ограничителем экономико-правовых стратегий борьбы с «тенью». Но, предлагаемые в данном труде либеральные рецепты решений, авторами данной статьи не поддерживаются.

В западной традиции, которая утвердилась и в российской науке, под неформальной (теневой) экономикой понимают агрегированный феномен как противоправных, так и внеправовых хозяйственных трансакций во всем их разнообразии, включая «блат», «телефонное право» и коррупцию.

Для криминологического исследования сферы банкротства важно понимать, что главной приметой современной России определяется то, что всякая демаркация между теневой и легальной деятельностью в ней условна. И по мнению авторов, криминальное банкротство – это один из секторов теневой экономики, однако же Орлова Л.А. относит его к специфическому виду мошенничества, завуалированному под гражданское правонарушение [9, с. 167-171].

Перечисленные социально-экономические патологии стали неотъемлемой частью криминогенных явлений в сфере банкротства. За последние 20 лет произошел тотальный уход «в тень» многих социальных явлений, включая сферу банкротства, появилось «теневое» государство, «теневое» право, «теневая» юстиция и т.п., играющие по своим - неформальным, но жестким – правилам. Как заключил Номоконов В.А., именно эти теневые процессы продолжают разрушение российской государственности. Официальная статистика все меньше отражает криминальные реалии, а преступность не только виртуализируется за счет применения высоких технологий, но и в целом становится все более скрытой,

латентной. Сегодня коррупция – одна из главных угроз национальной безопасности и ее источник находится в сложившейся политической системе [3].

А.И. Долгова пишет о серьезном расколе на «легальное» и альтернативное «теневое» общество, о наличии не только теневой власти, экономики и права, но и теневой идеологии, теневых социальных сил [10, с. 3], в чем и заключается ущербность социума и проблематика эффективной борьбы с преступностью.

Только всесторонняя и системная декриминализация общества способна обеспечить эффективную борьбу с преступностью и привести к гармонизации общества, устойчивому и сбалансированному социально-экономическому развитию, обеспечению высокого уровня жизни населения и социальной консолидации и, конечно, требуется формирование и реализация адекватной правовой политики. Приоритетным является для государства определение системы высших ценностей, определение идеологии на основе высших ценностей и выстраивание всех систем государства и общества в соответствии с этими ценностями. Исторически сложившийся в нашей стране антагонизм к понятию *государственной идеологии* уже утратил свою исключительно эмоциональную окраску. США и европейские государства имеют четко сформулированные принципы своего существования и развития, а слепой страх снова оказаться под гнетом какой бы то ни было идеологии, а также безнравственные социал-дарвинистские настроения, в результате привели к четко устоявшейся теневой потребительской идеологии в России, противопоставленной эффективной системной борьбе с преступностью.

Масштабное измерение динамики психологических характеристик населения страны за период с 1981 по 2011 годы, проведенное Институтом психологии РАН, показало существенную нравственную деградацию общественного сознания, выразившуюся в массовом росте агрессивности, алчности, враждебности, беспринципности и т.д. [11, с. 424].

В современной криминологии активно обсуждаются вопросы и предложения концепта нравственного государства и нравственной личности [12, с. 29-38], поскольку только нравственное государство заботиться о формировании духовно-нравственного облика граждан, осознающих приоритет духовного начала в стратегии своей личной судьбы – это единственный облик позитивной криминологии будущего. Сложно не согласиться с постановкой проблемы «нравственного государства», сформулированной авторами книги «Нравственное государство. От теории к проекту» [11], как правило, правильно поставленный вопрос уже содержит половину ответа. Эта тема однозначно требует дискуссии.

Список литературы:

1. Клеймёнов И.М. Криминализация общественных отношений // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3(36).
2. Овчинский А.С. Информационное воздействие и организованная преступность. – М.: ИНФРА-М, 2007.
3. Номоконов В.А. Преступная «декриминализация» // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб», 2012. №3 (26).
4. Шестаков Д.А. Преступный закон как парадокс криминологии закона // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2011. № 1 (20).
5. Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. - 2010. - 10 декабря.
6. Харчилава Г.П. Экономические аспекты криминального бизнеса и возможности его ограничения: автореф. дис. ... канд. экон. наук. - М., 2003.
7. Галянина А.В. Институты экономической преступности в системе теневой экономики: особенности формирования и направления ограничения: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Саратов, 2010.
8. Клямкин И.М. и Тимофеев Л.М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. – М.: РГГУ, 2000.
9. Орлова Л.А. Криминальное банкротство – сектор теневой экономики // Пробелы в российском законодательстве. № 4, 2018.
10. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М., 2003.
11. Нравственное государство. От теории к проекту // Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Нетесова М.С., Пономарева Е.Г., Сазонова Е.С., Спиридонова В.И / под общ. ред. С.С. Сулакшина. -М., Наука и политика, 2015.
12. Номоконов В.А., Судакова Т.М. Криминология будущего – позитивная криминология? // Lex Russica. №9 (142) сентябрь 2018.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Пальчиков Артем Валерьевич

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
магистрант, Краснодар*

Кулик Станислав Владимирович

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
аспирант, Краснодар*

Тушев Александр Александрович

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина
профессор, Краснодар*

TO THE QUESTION ABOUT SOME DIRECTIONS OF PREVENTING YOUTH EXTREMISM

Аннотация. Авторы статьи предлагают некоторые современные направления профилактики и предупреждения экстремизма в молодежной среде.

Resume. The authors of the article propose some modern directions for the prevention and prevention of extremism among youth.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, профилактика, предупреждение

Key words: extremism, youth, prevention, prevention

Причиной формирования экстремистских взглядов среди молодежи в обществе является политическая, социальная, экономическая, правовая и другие факторы нестабильности. Именно это приводит к тому, что молодое поколение ежегодно пополняет ряды экстремистских и террористических группировок, которые используют умы молодых людей для своих политических целей.

Жизнь человека во многом зависит от восприятия им мира, а также его поведения в результате. Если же человек не понимает, что противопоставление самого себя, своих взглядов на окружающий мир может привести к плохим и опасным жизненным ситуациям, то такой человек может быть легко вовлечен в экстремистское движение. Любые движения, организации и объединения, которые ведут активную пропаганду ненависти и ксенофобии, на текущий момент рассматриваются в Российской Федерации как экстремистские. Сегодня, самой главной задачей общества является борьба с общественными объединениями, особенно молодежными, связанная с противодействием экстремизму. Основной опасностью экстремизма для молодежи является формирование своего мировоззрения, которое существенно отличается от норм, также в негативном воздействии на личность молодого человека, подталкивание личности к преступным действиям.

Профилактика молодежного экстремизма является самой важной работой для всех органов безопасности на территории Российской Федерации. К мерам профилактики относится разъяснительно-предупредительная работа, направленная на противодействие экстремистским проявлениям. Успешная борьба с экстремистским движением возможно лишь только в том случае, если проводится целенаправленная работа по устранению причин, которые позволяют возникнуть экстремизму, а также оказывают положительное влияние на его развитие и распространение.

Основной обязанностью государства является не только создание благоприятных условий для нормального функционирования общественных, молодежных организаций, а также сотрудничество с этими организациями. Помимо этого, к обязанностям государства относится проведение надзора и контроля над деятельностью молодежных организаций, для того, чтобы избежать развития среди вышеперечисленных организаций различных негативных течений, таких как антигосударственные, анти-социальные, экстремистские. Для того чтобы такой проблемы не возникало или она была сведена к минимуму необходимо своевременно предупреждать и пресекать такие течения [1].

Основными принципами, направленными на противодействие экстремистским движениям и группировкам считаются: - принцип, основанный на признании, соблюдении и защиты прав и свобод человека и гражданина; - принцип законности; - принцип гласности; - принцип, основанный на обеспечении безопасности Российской Федерации как приоритетный; - принцип приоритета мер, связанных с предупреждением экстремистской деятельности; - принцип, согласно которому является приоритетным направлением сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, а также другими организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности; - принцип обязательности наказания за осуществление экстремистской деятельности.

К мерам противодействия экстремизму относят не только привлечение виновных к уголовно правовой ответственности, но и проведение профилактически-предупредительных мер. К экстремистской деятельности относят, ко всему прочему, деятельности неформальных молодежных организаций или

группировок, которым присуща экстремистско-националистическая направленность, а также деятельность непосредственно экстремистских сообществ). Если применять только уголовно-правовые меры к предотвращению экстремизма, то это не будет эффективным и, скорее всего, не принесет особенно существенных результатов. Для эффективной борьбы с экстремизмом государство должно применять любые меры и способы, которые, в своей совокупности, могут принести существенные результаты для решения данного вопроса.

Согласно статистическим данным, основная доля преступлений экстремистской направленности приходится на преступления, относящиеся к статье 282 Уголовного кодекса РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), удельный вес которых составил 54,9% от всего объема экстремистских преступлений [2].

Поскольку молодежь более всего подвержена влиянию экстремистских течений, то в основной своей массе, экстремистские группировки представлены молодыми людьми в возрасте от 14 до 30 лет, иногда - несовершеннолетними лицами 14 - 18 лет. Согласно статистическим данным основная масса преступлений экстремистского характера совершается несовершеннолетними лицами. Для того чтобы предотвратить развитие экстремизма среди несовершеннолетних в Российской Федерации необходимо проводить специальные уроки-лекции профилактического характера. Это позволит в некоторой степени сформировать правильное мышление у несовершеннолетних и позволит сократить их численность в формирующихся и сформированных экстремистских группировках. Эти меры позволят сформировать у подрастающего поколения резко негативное отношение к экстремистским течениям, позволят предотвратить их интерес к именно таким мероприятиям, а также сформировать негативное отношение к лицам, которые пропагандируют такие течения.

Таким образом, анти-экстремистские профилактические мероприятия можно разделить на два типа: - первичная профилактика, которая представляет собой работу, связанную с предотвращением увеличения числа приверженцев экстремистских группировок (иммунизация подростков в отношении экстремизма); - вторичная профилактика, которая представляет собой процесс взаимодействия и проведение разъяснительной работы с участниками экстремистских организаций.

Именно первичная профилактика приносит максимальный эффект для предотвращения притока молодого поколения в группировки. Уроки толерантности также являются эффективным методом борьбы против экстремистского движения [3]. Стоит при этом обратить внимание, что для таких уроков несовершеннолетним необходимо иметь довольно высокий общий уровень культуры. Помимо этого, не всегда подросток попадает в такие группировки. Как правило, прежде чем быть вовлеченным в экстремистскую группировку несовершеннолетний состоит в какой-либо группе, приближенной по своей экстремистской идеологии.

Профилактика молодежного экстремизма предлагаем делить на следующие виды: - предварительная иммунизация подростка к экстремистской идеологии; - насилие является неприемлемым для молодого индивида; - экстремист и вождь экстремизма является резко негативным «героем» молодежной современности.

Существуют критерии, которые позволяют выявить экстремизм: 1) Первым критерием являются действия, направленные на неприятие текущего государственного или общественного порядка, а также действия, связанные с незаконными формами поведения. К экстремистским действиям относят действия, связанные с желанием уничтожить или осквернить общественные и государственные институты, права, традиции, ценности [1]. Данные действия зачастую сопровождаются насильственными действиями и к экстремистским действиям относят деятельность, которая представляет собой преступную форму, являющуюся запрещенной, согласно Уголовному кодексу Российской Федерации [4]. 2) Вторичным критерием является публичная деятельность, которая затрагивает общественно-значимые вопросы и арестовывается обширному кругу лиц.

Говоря об экстремизме, следует понимать, что в состав экстремистских группировок могут входить люди не только с неблагоприятными условиями проживания, существования, низким уровнем образования и прочее, в него также могут входить представители, имеющие разный уровень социального или имущественного положения, национальную или религиозную принадлежность и так далее. Пока убеждения человека представляют собой часть его интеллектуальной жизни, и не выражаются в форме, установленной как экстремистской, согласно Уголовному кодексу РФ, они не могут включать в себя признаков экстремистской деятельности. Стоит понимать разницу между экстремизмом и деятельностью оппозиционных политических партий, представителей религий и концессий, национальных и этнических сообществ как таковых.

Согласно Уголовному кодексу РФ, запрещено создавать организации и осуществлять деятельность, которая носит экстремистский характер, в соответствии со статьей 9 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» с последними изменениями 2020г. - «В случае осуществления общественным или религиозным объединением, либо иной организацией, либо их региональным или другим структурным подразделением экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим интересам физических и (или) юридических лиц, обществу и государству или создающей

реальную угрозу причинения такого вреда, соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация могут быть ликвидированы, а деятельность соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда»[5].

Также государство может приостановить деятельность общественного объединения с момента обращения в суд. В случае приостановления деятельности общественного или религиозного объединения приостанавливаются права общественного или религиозного объединения, его региональных и других структурных подразделений как учредителей средств массовой информации, им запрещается пользоваться государственными и муниципальными средствами массовой информации, организовывать и проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование и иные массовые акции или публичные мероприятия, принимать участие в выборах и референдумах.

Некоммерческие и общественные организации (в том числе и молодежные, и детско-юношеские), могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

Профилактика экстремизма среди общественных объединений, должна стать одним из направлений деятельности по противодействию экстремизму и что самое главное - необходимо активно вступать в борьбу с экстремизмом в молодежной среде, а именно, проводить среди участников объединений постоянную профилактическую работу по предупреждению проявлений экстремизма, так как только общие усилия государства и общества, направленные на опережение, предупреждение проявлениям экстремизма, дадут положительные результаты. В противовес экстремистским организациям сегодня необходимо создавать детские, молодежные, спортивные некоммерческие организации, цели и задачи которых должны направляться на возрождение культуры народов, военно-патриотическое воспитание молодежи, благотворительную деятельность, развитие различных видов спорта. Учитывая то, что молодежь – категория населения, не только нуждающаяся в помощи, но и способная оказать ее, нужно развивать волонтерские движения, способствующие интеллектуальному, культурному и физическому развитию молодежи. Участие таких молодежных организаций в борьбе с проявлениями экстремизма является важным показателем нетерпимости данного явления в российском обществе.

Главным направлением в профилактике экстремизма должно стать просвещение населения, особенно молодежи, школьников - это привитие им знаний о традициях и культуре других народностей, проведение соответствующих уроков толерантности в учебных заведениях. Только общие усилия, создание атмосферы национального согласия, терпимости и взаимопонимания, станут мощным заслоном развития экстремизма в обществе, в том числе и среди молодежи.

Список литературы:

1. Мамычев А.Ю., Филиппова М.К. Политико-правовые технологии обеспечения социально-политической целостности (на примере молодежной политики России) / / Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – Владивосток. 2016.
2. Статистические сведения: Сборник ГИАЦ МВД России. –М., 2018.
3. Чапурко Т.М., Матвиенко В.С. Выявление и устранение причин и условий преступности как основное направление профилактики: В сборнике научных статей: Социально-экономический ежегодник-2018 / Под ред. Хашевой З.М. Краснодар. 2018. С. 264-269.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996г. (с изм. на 2020г.) // Российская газета. 1996.
5. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изм. 2020г.) // Российская газета. 2002. 27.07.

**СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ИЗНАСИЛОВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Фомичева Элеонора Сергеевна
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
магистрант, Краснодар

Чапурко Татьяна Михайловна
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет им. И.Т. Трубилина»
профессор, Краснодар

THE SUBJECTIVE SIDE OF JUVENILE RAPE: THEORY AND PRACTICE

Аннотация. В статье рассматриваются особенности субъективной стороны изнасилования, совершенного в отношении несовершеннолетних и лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. Автор рассматривает научные взгляды ученых и судебную практику по теме исследования.

Annotation. The article examines the features of the subjective side of rape committed against minors and persons under the age of fourteen. The author examines the scientific views of scientists and judicial practice on the research topic.

Ключевые слова: субъективная сторона, изнасилование, несовершеннолетние.

Key words: subjective side, rape, minors.

В статье 2 Конституции Российской Федерации закреплено, что права, свободы человека представляют самую высшую ценность, их защита является важнейшей обязанностью государства [1]. Закрепленное на высшем законодательном уровне нашей страны данное положение нашло свое отражение в нормах различных отраслей российского права, в том числе и в уголовном законе. Так, согласно части 1 статьи 2 Уголовного кодекса РФ в качестве одной из задач уголовного законодательства определена охрана личности [2]. Посягательства против личности, в том числе в сфере половых отношений, характеризуются повышенной общественной опасностью.

В Российской Федерации остается значительным число официально регистрируемых изнасилований, которых ежегодно совершается около четырёх тысяч [3], но еще большее количество фактов изнасилований не попадает в поле зрения правоохранительных органов, так как они относятся к числу высоко латентных. Также изнасилования относятся к категории трудно раскрываемых преступлений и причина тому – отсутствие свидетелей совершенного преступления, поведение потерпевших и многое другое.

Основным объектом изнасилования выступают половая неприкосновенность и половая свобода. И различие между половой неприкосновенностью и половой свободой личности заключается в том, что термин «половая свобода» используется в отношении людей, достигших возраста 16 лет, позволяющего им самим решать то, в какой форме и с кем именно удовлетворять свои половые потребности. Что же касается термина «половая неприкосновенность», то он используется применительно к несовершеннолетним, то есть лицам, физически, психологически и нравственно несформированным и неокрепшим. Их половую неприкосновенность и призван охранять уголовный закон от тлетворного влияния недобросовестных взрослых [4, с. 95].

К вопросу характеристики субъективной стороны изнасилования обращались многие ученые и стоит отметить, что важность определения субъективной стороны изнасилования несовершеннолетней невозможно недооценить, поскольку невозможно умалить вред, который причиняет данное преступление личности и обществу в целом. Для данного вопроса важным представляется определение того, осознает ли виновное лицо обстоятельства, которые характеризуют признаки состава данного преступления. По общему правилу для того чтобы вменить совершение умышленного преступления необходимо, чтобы виновный в его совершении сознавал общественную опасность своего деяния и обстоятельства его совершения.

Поэтому следует согласиться А.В. Бриллиантовым и Е.В. Пейсиковой в том, что, в отличии от изнасилования, при охватываемом ст. 134 УК РФ посягательстве на половую неприкосновенность несовершеннолетней, законодатель отталкивался от того, что потерпевшая в силу своей психологической незрелости неспособна в полной мере осознать суть совершаемых с ней действий и их физические, психологические, социальные, нравственные и иные последствия (среди которых, в частности, то, что подросток лишается детства и юности, тормозится его личностное развитие, сокращаются его социальные перспективы, возникают дополнительные препятствия к получению образования) и, соответственно, выступает в роли жертвы волевых и осознанных действий со стороны преступившего закон взрослого [5, с. 495].

На сходные обстоятельства обращает внимание и Л.Л. Кругликов, отмечающий, в подобных случаях угрозе подвергаются телесная и духовная неприкосновенность детей и подростков. Сексуальный контакт

с потерпевшей негативно воздействует на ее несформированную психику, создаёт опасность причинения вреда ее здоровью, может привести к нежелательной беременности девочки, которая еще физиологически не готова к вынашиванию плода, деторождению и последующему воспитанию [4, с. 104]. В итоге, важным видится момент определения отношения виновного к совершаемому или совершенному деянию, а именно определение обстоятельств, которые бы указывали на осознание виновным факта несовершеннолетия потерпевшей.

Действующий Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющий вопросы, возникающие при рассмотрении уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности устанавливает, что квалификация преступления по пункту «а» части статьи 131 УК РФ возможна лишь в тех случаях, когда виновный в совершении преступления знал или допускал, что потерпевшей является лицо, которое не достигло восемнадцати лет или иного возраста, специально указанного в диспозиции статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ [6].

Таким образом, субъективная сторона изнасилования с квалифицированным составом, предусмотренным пунктом «а» части 3 статьи 131 УК РФ характеризуется тем, что лицо, его совершившее, достоверно знало или имело возможность предполагать факт недостижения потерпевшей совершеннолетия. Данной позиции придерживаются и вышеназванные авторы, которые считают, вменение такого преступления возможно и тогда, когда «виновный их не сознавал, но должен был и мог сознавать» [7, с. 9].

Так, например, Кассационным определением от 18 августа 2018 года Судебной коллегии по уголовным делам Владимирского областного суда установлено, что «А. имея умысел на изнасилование несовершеннолетней Б., заранее подыскал Б, достоверно зная, что Б является несовершеннолетней и в силу отсутствия жизненного опыта ... не может оказывать сопротивление, с целью достижения своего преступного умысла, направленного на удовлетворение половой страсти путем изнасилования, ... совершил с ней против её воли и желания насильственное половое сношение» [8]. Из приведенного примера усматривается, что виновный осознавал факт несовершеннолетия потерпевшей, кроме того специально выбрал ее для совершения данного преступления, то есть вина характеризуется наличием прямого умысла, направленного на совершение изнасилования несовершеннолетней.

Из вышеизложенного, следует сделать вывод, что субъективная сторона данного преступления может характеризоваться смешанной формой вины, то есть речь идет о том, что в такой конструкции как «должен был и мог предвидеть» присутствует как элемент неосторожной формы вины, так и вина в форме прямого умысла. Такое положение создает определенные трудности в формулировании субъективной стороны данного преступления, усложняет процесс его квалификации. Анализируя действующие нормы уголовного права, следует прийти к выводу, что изнасилование несовершеннолетней считает возможным при умышленной вине, а также может вменяться при наличии обстоятельств, указывающих на совершение преступления – изнасилования несовершеннолетней и по неосторожности. Но с точки зрения действующего Уголовного кодекса РФ, субъективная сторона изнасилования несовершеннолетней характеризуется только прямым умыслом, где под прямым умыслом понимается как осознание виновным фактических обстоятельств деяния. Субъективная сторона в данном случае находит свое выражение в том, что субъект преступления сознает, что совершает с ней половое сношение помимо ее воли и что потерпевшая не достигла совершеннолетия.

Видится необходимым с целью упрощения квалификации данного преступления и во избежание ошибок в определении субъективной стороны данного преступления внести в Уголовный кодекс РФ отдельную норму, ужесточающую наказание за преступления, которые в связи с неосторожностью влекут наступления тяжкого последствия, наступление которого не входило в умысел виновного.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 10.10.2020).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. с изм. на 2020г. // Российская газета. 1996. 15 июня.
3. Состояние преступности в Российской Федерации // <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 10.10.2020).
4. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / С.А. Балеев, Л.Л. Кругликов, А.П. Кузнецов и др.; под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. -М.: Статут, 2012. С. 95. (и автор главы – Л.Л. Кругликов. С. 104).
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 1. Авторы комментария – А.В. Бриллиантов и Е.В. Пейсикова. С. 495.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» с изм на 2020г. // Российская газета. 2014. 7 дек.

7. Горбуза А., Сухарев Е. О вменении при умышленной вине обстоятельств, допущенных по неосторожности // Советская юстиция. 1982. №18. С.9.

8. Кассационное определение от 18 августа 2018 года Судебной коллегии по уголовным делам Владимирского областного суда [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-vladimirskij-oblastnoj-sud-vladimirskaya-oblast-s/act-104966133/>

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Рожина Елизавета Николаевна

*Институт права, социального управления и безопасности,
магистрант 2 курса*

*Научный руководитель: Решетнева Татьяна Васильевна
К.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права ИПСУБ*

SOME PROBLEMS OF THE RIGHT TO FAIR TRIAL IN THE DECISIONS OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Аннотация. Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод применима к любому спору между частными лицами, однако Европейскому Суду по правам человека (далее – ЕСПЧ) в его практике приходится решать многие сложные вопросы, возникающие в связи с применением данной статьи. Значительную степень прецедентного права ЕСПЧ составляют именно такие дела. На практике возникает множество проблем толкования права на справедливое судебное разбирательство, в связи с этим тема исследования является актуальной.

Abstract. Article 6 of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms is applicable to any dispute between people in the field of civil law, however, the supervisory bodies of the Council of Europe had to resolve many complex issues arising from the application of this article in the field of public law, when any disciplinary body was empowered by law to take actions affecting the rights or interests of individuals. To a large extent, the Court's case-law is developed in just such cases.

Ключевые слова: право на справедливое судебное разбирательство, уголовное судопроизводство, Европейский суд, Европейская конвенция по правам человека

Keywords: right to fair trial, case law, European Convention, European Court of Human Rights.

Европейский суд по правам человека – это международный судебный орган, который рассматривает жалобы на нарушение прав человека. Он находится во Франции, в городе Страсбург. Основанный в 1959 году, Европейский Суд по правам человека выносит постановления в отношении жалоб, поданных индивидуальными заявителями или государствами о нарушении Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. Статья 6 данной Конвенции гарантирует лицу, против которого возбуждено уголовное дело, право на справедливое судебное разбирательство. Данная гарантия не является исключительно международным стандартом, подобные положения закреплены в нормативных актах многих государств, но закрепление права на справедливое судебное разбирательство именно на международном уровне обеспечивает его соблюдение.

Под справедливостью притом понимается соизмеримость наказания и совершенного деяния. Человек должен получить то наказание, которое заслужил. Притом большинство ученых считает, что принцип справедливости должен действовать на все процессуальные действия. Он должен действовать и на все процессуальные решения. Европейский суд по правам человека считает, что справедливость характеризуется соблюдением процессуальных прав участников уголовного процесса, которые отражены в Конвенции, а также в системе толкования ЕСПЧ. Справедливость всех принятых решений зависит от ее реализации на каждой отдельной стадии уголовного судопроизводства. В связи с этим справедливость неотделима от каждого отдельного процессуального действия [6, с. 56].

Правовая позиция Европейского суда по правам человека заключается в том, что справедливость должна распространяться как на стадию судебного разбирательства, так и на досудебное производство. Это связано с тем, что несправедливость на досудебном этапе может серьезно повлиять на дальнейшее судебное разбирательство. Поэтому право на справедливое судебное разбирательство в широком понимании охватывает все процессуальные решения, которые принимаются в процессе производства по уголовным делам [7, с. 185].

В судебной практике подчеркивается важность данного права. Так, в решении по делу «Sunday Times» Суд отметил, что право на справедливое судебное разбирательство «отражает основополагающий принцип верховенства права» [2].

В доктрине и практике положения статьи 6 толкуются по-разному, но в основном расширительно. Так, по делу «Рингайзен против Австрии» суд отметил относительно п. 1 ст. 6, что он относится «к любой процедуре, в результате которой определяются права и обязанности частных лиц», а также что вид права (гражданское, административное и т.д.) не имеет значения. Позже ЕСПЧ подтвердил свою позицию, отметив в решении по делу «Кениг против Федеративной Республики Германии», где было указано, что в случае спора между частным лицом и органом не имеет значения то, выступал ли последний «в качестве

частного лица или в качестве суверенного органа». При решении вопроса о том, относится ли то или иное дело к «определению гражданского права», важна только «природа соответствующего права» [5].

Необходимо также отметить, что государства могут сами на своё усмотрение определять некоторые особенности дела. Как следует из содержания решения «Энгель и другие против Нидерландов», государства-участники вправе решать, является ли обвинение «уголовным», относится ли деяние к преступлениям. Единственное условие – действия, квалифицируемые как «преступные», не являются правами или свободами, защищаемыми Конвенцией [4].

В настоящее время отсутствует чёткий фиксированный перечень процессуальных элементов права на справедливое судебное разбирательство. Поэтому можно говорить о гибкости права на справедливую судебную защиту. В судопроизводстве постоянно идут изменения, поэтому понимание сущности права на справедливое судебное разбирательство в постановлениях ЕСПЧ постоянно видоизменяется. К примеру, постоянно внедряются электронно-цифровые средства связи в сфере судопроизводства, можно прогнозировать появляются соответствующие позиции ЕСПЧ по вопросам доступа к правосудию, равенства и состязательности участников процесса [8, с. 117].

Таким образом, право на справедливое судебное разбирательство необходимо толковать расширительно. Его возможно реализовать только лишь посредством действенной судебной системы, которая обладает реальными полномочиями принимать итоговые решения и воплощать их в жизнь. Мировая судебная система должна обеспечивать не только возможность инициировать судебный процесс, но и довести его до логического завершения.

Список использованных источников

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

2. Решение Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 1979 г. по делу «Sunday Times» // Режим доступа: <https://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/sandi-tajms-protiv-soedinennogo-korolevstva-n-1-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 20.10.2020).

3. Решение от 28 июня 1978 г. по делу «Кениг против Федеративной Республики Германии» // Режим доступа: <https://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/kenig-protiv-federativnoj-respubliki-germanii-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 20.10.2020).

4. Решение Европейского Суда по правам человека от 8 июня 1976 г. по делу «Энгель и другие против Нидерландов» // Режим доступа: <https://european-court.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/engel-i-drugie-protiv-niderlandov-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 20.10.2020).

5. Решение Европейского Суда по правам человека от 16 июля 1971 г. по делу «Рингайзен против Австрии» // Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2466199/2466199-007.htm> (дата обращения: 20.10.2020).

6. Варывдин М. Доступ к правосудию должен быть абсолютным, а порядок рассмотрения дел – простым и понятным (интервью с Председателем Верховного Суда РФ В. Лебедевым) // Коммерсантъ. 2015. С. 55-61.

7. Решетнева Т.В. Процедурный аспект справедливого судебного разбирательства уголовного дела в свете некоторых решений ЕСПЧ // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 6. С. 183 – 189.

8. Сулейманова К.М. Право на судебную защиту и право на справедливое судебное разбирательство // Юридическая наука. 2017. С. 114-120.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ ФОРМ УСТНОГО ДИАЛОГА В ЯЗЫКЕ ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ

Алиева Эльвина Аметовна
кандидат филологических наук, доцент
Узбекистан, г. Ташкент, НУУЗ

Изучение экспрессивных синтаксических средств, стилистического использования различных синтаксических категорий отдельными писателями представляется актуальным направлением в области лингвистических исследований. Учитывая определенную изученность общих проблем экспрессивности, следует отметить недостаточно глубокое рассмотрение проблемы синтаксической экспрессивности, а также использование экспрессивных синтаксических средств в идиостилиях писателей.

До сих пор в лингвистике нет точного списка экспрессивных синтаксических средств, каждый лингвист, занимающийся проблемой экспрессивного синтаксиса, приводит свой набор названных единиц (В. В. Востоков, А.П. Сквородников, Н.Г. Акимова, О.А. Кострова, Д.Э. Розенталь, Ю.М. Скребнев, И.И. Ковтунова, Э.М. Береговская и мн. др.). Еще А.П. Сквородников отмечал, что набор этот до конца не определен и не идет дальше перечня «так называемых фигур, классифицируемых по разнородным и случайным признакам» [8, с. 7]. Такое же мнение высказывает Бао Хун: «Окончательный список конструкций не установлен окончательно. Думается, что он не может быть установлен и в будущем, ибо в конкретном носителе экспрессивной идеи может стать любая морфологическая категория, любые особенности синтаксического строения фразы, все зависит от темы текста, индивидуальной манеры писателя, его намерений, ситуации порождения и восприятия текста» [4, с. 32]. Этому же мнению придерживается Г.Н. Акимова: «экспрессивные конструкции образуют открытый ряд» и «не составляют окончательного списка экспрессивных структур; многое еще будет вскрыто, тем более, что и объем каждого из отмеченных явлений еще не установлен и подчас трактуется неоднозначно» [3, с. 89]. М.А. Куроедова отмечает, что «набор синтаксических средств экспрессивной речи представляет собой сложное, многомерное и неоднородное образование» [3, с. 155]. Но не смотря на это, как утверждают Н.В. Князева и Е.Е. Королькова, «утверждение об открытости системы экспрессивных синтаксических средств не снимает проблему выявления и определения списка экспрессивных синтаксических конструкций» [5]. Этим объясняется неутраченный интерес лингвистов к данной проблеме и большое количество работ, в которых находим порой противоречащие, взаимодополняющие мнения о наборе, определения и классификации экспрессивных синтаксических средств.

В 20-х годах XX века творческие искания многих писателей шли по пути обновления формы художественного текста, что не могло не сказаться и на языке. Одним из принципов искусства слова провозглашается прием «затрудненной формы», который воспроизводился различными способами. На место классическому типу объективного повествования приходит орнаментальная проза ориентированная на язык лирической поэзии, что проявлялось в передаче эмоционального восприятия мира субъектом речи, а также в воспроизведении идеологической позиции героя, в имитации его внутренней речи. Этому способствовало использование в языковой структуре орнаментальных произведений экспрессивных форм синтаксиса. Образцами орнаментальной прозы считаются произведения А. Белого «Петербург», К. Федина «Города и годы», Ю. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», В. Набокова «Дар». Перечисленные романы, характеризуются взаимодействием различных повествовательных форм, в них наблюдается обыгрывание разнообразных видов коммуникативных ситуаций, типов субъектов и адресатов речи, схожих, с отмеченными И.И. Ковтуновой в лирической поэзии [6, с. 63-83], и ряд специфических типов коммуникативных контактов, не характерных для лирической поэзии [1], в связи с этим характеризуются экспрессивностью и использованием большого количества субъектно-экспрессивных средств синтаксиса, отличающихся своеобразием функционального потенциала. В языковой структуре названных романов среди субъектно-экспрессивных средств синтаксиса выделяются речевые формы устного диалога (далее РФУД). К ним относятся вопрос, повеление, обращение и формы второго лица глаголов и местоимения. И.И. Ковтунова [6], рассматривая функциональный потенциал этих языковых единиц в поэзии, распределила их на две группы: сильные и слабые. К сильным, она отнесла вопрос и повеление, которые «предполагают определенную реакцию собеседника» [6, с. 61], а к слабым – обращение и второе лицо глаголов и местоимений, «не требующие определенной реакции со стороны адресата» [6, с. 61]. Лингвист отмечала, что изменение, усложнение и преобразование функций данных языковых категорий происходит под влиянием своеобразия поэтического языка и условий коммуникативных ситуаций.

Анализ особенностей использования вопроса, способов выражения, типов, включения в текст, отношения и виды связи с окружающим контекстом, показал его богатый семантико-функциональный статус как на микро- так и на уровне макротекста [2]. При описании функционального своеобразия названной языковой единицы мы не раз обращали внимание, что ей сопутствуют все названные РФУД, включаясь либо в состав вопросительного предложения, либо в окружающий его контекст.

Проведенный нами анализ функционирования РФУД в субъективных типах повествования на материале орнаментальной прозы показал, что их глубинную семантику, как и в стихотворной речи, предопределяет прежде всего характер коммуникативных ситуаций. Необычный характер адресата, усложненные отношения между субъектом и объектом, а также специфический для орнаментально-субъективного повествования контекст определили усложнение функционального статуса РФУД.

Формы императива приобретают различные типы модально-эмоциональных значений: долженствования, эмоционально-окрашенного пожелания, просьбы – мольбы, заклинания; могут совмещать сообщение о факте с модально-волевой оценкой или значения повеления и условия. То есть, формы повеления развивают в художественно-прозаической речи функциональную асимметрию по типу отношений омонимии, полисемии и синонимии. Так как грамматическая форма повелительного наклонения не утрачивает зачастую своего первичного значения, то возникает «частичная асимметрия между формой и функцией – асимметрия на фоне симметрии» [6, с. 169-179]. Анализ также показал, что употребляясь в монологической речи, формы повелительного наклонения глаголов могут становиться би- и полифункциональными. Полифункциональные повелительные высказывания оказываются средством выражения сложной информации, свойственной орнаментальной прозе, ориентированной на язык лирической поэзии.

Изменение условий коммуникаций, также как и в стихотворной речи, может приводить к совмещению в обращениях функций адресации с номинацией или характеристикой, либо усложнению апелляции эмотивной функцией. Обращения могут формально сближаться, но функционально контрастировать с сегментированными конструкциями, оказываясь омонимами последних.

Помимо языковых функций, обнаруживающихся в синтагматике речевой цепи, обращения выполняют и художественные функции, которые выявляются с учетом лингвопоэтических факторов их использования в тексте названных романов.

Основная функция обращений в орнаментальной прозе состоит в том, чтобы создавать эффект присутствия субъекта речи, иллюзию непосредственного восприятия читателем отраженной в произведении художественной реальности. Апелляция речевого субъекта к странам, городу, явлениям природы и т.д., ставшими его внутренними адресатами, представляет собой коммуникативную метафору, усиливающую характерную для речевой ткани романа выразительность и эмоциональность.

Они служат одним из показателей субъективизации повествования. Благодаря смене третьего лица на второе происходит переход от внешней, объективной точки зрения на внутреннюю точку зрения субъекта речи.

Форма второго лица местоимений и глаголов в рамках художественно-прозаического целого способны создавать диалогические отношения повествователя или героя произведения с различными типами адресатов. При апелляции повествователя к читателю основной функцией форм второго лица местоимений и глаголов является создание прямого контакта между повествователем и читателем.

Достаточно часто местоимения «ты» и «вы» трансформируются в местоимение «мы», которое используется как прием косвенного контакта между повествователем и читателем. Под влиянием лексического контекста контактоустанавливающее местоимение «мы» может становиться средством иронического подтрунивания повествователя над читателем (либо героем), пародирования его позиций.

С помощью форм второго лица местоимений и глаголов может осуществляться апелляция повествователя (или героя) к внутренним адресатам – героям, отсутствующим в момент речи («Дар»), что способствует диалогизации монолога, воплощает раздвоение сознания субъекта речи.

Формы второго лица местоимений и глаголов, использованные в ситуации коммуникативного контакта с заведомо некоммуникабельными объектами, нелицами, служат знаком внутренней сопричастности, близости автора или героя к предмету речи («Дар», «Петербург»). Коммуникативный контакт с неллицом выступает одновременно в качестве специфической для орнаментальной прозы формы автокоммуникации повествующего субъекта и воплощает не только его поэтическое познание, но и самопознание, самораскрытие, самовыражение.

4. Анализируемые синтаксические категории на уровне макротекста участвуют:

- в осуществлении игры пространственных планов (переход от 3 ко 2 лицу); чередование повествовательных форм, игра внешней и внутренней точками зрения осуществляется с помощью РФУД не только в рамках всего художественного целого, но и в отдельных фрагментах текста, на уровне сложного синтаксического целого;

- субъективизируют повествование;

- способствуют созданию полифонизма речевой структуры художественного текста;

- способствуют созданию лейтмотива центральной темы, лежащей в основе произведения;

- выполняются изобразительно-выразительную функцию, а именно опосредованно раскрывают внутреннее состояние субъекта речи (повествователя или героя), раскрывают его идеологические позиции.

Проведенный анализ использования РФУД в орнаментальной прозе позволил выявить схожие со стихотворной речью, а также специфические для поэтического стиля названных авторов семантико-функциональные особенности РФУД.

Эти формы, направленные к другому лицу или предметному миру, будучи употребленными в монологическом субъективном повествовании, изменяют свою семантику и функции под влиянием

специфического для орнаментальной прозы контекста и определенных коммуникативных условий. Необычный характер адресата, усложненные отношения между субъектом и объектом, а также специфический для орнаментально-субъективного повествования контекст определили усложнение функционального статуса РФУД. Высказывание И.И. Ковтуновой: «Отбор грамматических средств становится принадлежностью поэтического языка, если эти средства оказываются семантически значимыми и выполняют определенные смысловые функции в индивидуальной поэтической системе. Предпочтение отдельных грамматических категорий и форм может свидетельствовать о фундаментальных свойствах данного поэтического мира» [7, с. 4], на наш взгляд, полностью характеризует язык орнаментальной прозы.

Литература:

- 1.Алиева Э.А. Вопрос в художественно-прозаическом монологе. // АКД – Т., 2002.; Семантико-функциональные особенности вопроса в художественно-прозаическом монологе (на материале языка русской прозы первой трети XX века): монография. – Т., 2016. – 128 с.
2. Алиева Э.А. Семантико-функциональный потенциал вопроса в художественно-прозаическом монологе: монография. – Т., 2016
- 3.Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г.Н. Акимова. М., 1990. – С. 89
- 4.Бао Хун Экспрессивные средства русского синтаксиса в структуре текста / Бао Хун. – Москва: Издательство Московского университета, 2003. – С. 32
- 5.Князева Н.В., Королькова Е.Е. К вопросу об экспрессивных синтаксических средствах. // <http://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-ob-ekspressivnykh-sintaksicheskikh-sredstvakh-yazyka.html>
- 6.Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – С. 63-83
- 7.Ковтунова И. И. Принцип неполной определенности и формы его грамматического выражения в поэтическом языке XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Грамматические категории. Синтаксис текста. – М., 1993. – С. 4.
- 8.Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск, 1981.

КОДОВЫЙ ИНТЕРТЕКСТ КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА

Лашина Елена Борисовна

*старший преподаватель кафедры иностранных языков
для неязыковых направлений института филологии
иностранных языков и медиа коммуникаций,
Иркутского Государственного Университета*

CODE INTERTEXT AS ANALYSIS UNIT

Elena Lashina

*Senior Lecturer, Department of Foreign Languages
for Unlanguages Specialties of the Philology Institute
of Foreign Languages and Media communications
of Irkutsk State University*

Аннотация. Статья посвящена определению понятия кодовый интертекст, а так же разделению понятий «интертекстуальность» и «интертекст». В результате исследования данные понятия были разведены следующим образом: интертекстуальность – это общее свойство текста, обусловленное наличием в принимающем тексте фрагментов или целых текстов, а также кодов иных текстов, а интертекст – это конкретные случаи проявления интертекстуальности. Интертекстуальность обычно создается не одним, а несколькими интертекстами. Кодовый интертекст состоит из текста-реципиента, который принимает термин, отсылающий к прототексту.

Abstract. The article is devoted to the definition of the concept of code intertext, as well as the separation of the concepts "intertextuality" and "intertext". As a result of the research, these concepts were separated as follows: intertextuality is a general property of the text due to the presence of the fragments or whole texts in the receiving text, as well as the codes of other texts. Intertext is the specific cases of intertextuality. Intertextuality is usually created by more than one intertext. The code intertext consists of the recipient text that accepts the term and refers it to the prototext.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, код текста, первичный текст, вторичный текст, кодовый интертекст, текст-реципиент, прототекст.

Keywords: intertextuality, intertext, text code, primary text, secondary text, code intertext, recipient text, prototext.

Наряду с термином «интертекстуальность», которую мы рассматриваем как взаимодействие различных видов текстов в текстовом пространстве, существует термин «интертекст». Данный термин, как отмечает Н.А. Кузьмина, часто поглощается термином «интертекстуальность» [Кузьмина, 2007, с. 20]. В определении В.А. Руднева, например, термин «интертекст» используется вместо термина «интертекстуальность»: интертекст – это «основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам» [Руднев, 2003, с. 155].

Те исследования, в которых данные термины различаются, исходят из двух основных значений термина «интертекст»: 1) совокупность текстов как некий бесконечный знаковый универсуум, как некое информационное пространство; 2) как текст или фрагмент текста, в котором происходит интертекстуальное взаимодействие.

Одним из первых определений понятию «интертекст» как совокупности текстов, воспринимаемой адресантом, дал М. Риффатер [Riffaterre, 1980]. Такой интертекст не имеет четких границ и может свободно эволюционировать в зависимости от воли воспринимающего, преодолевая временные и пространственные рубежи.

Теория эволюции интертекста получила освещение в исследовании Н.А. Кузьминой, которая говорит об интертексте как о явлении языка в его креативной функции, состоящей в его способности не только передавать готовые сообщения, но и создавать новые. В ее понимании, интертекст – «это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности Человека, способная бесконечно самогенерировать по стреле времени» [5, с. 20]. «Информационная реальность», по Н.А. Кузьминой, есть множество текстов. Под творческой деятельностью Человека исследовательница подразумевает креативное коммуникативное взаимодействие автора и читателя. Термин «стрела времени», заимствованный Н.А. Кузьминой у физика А. Эддингтона, соотносится с переходом текста из одного времени в другое. Переход текста в иное временное измерение связан с созданием нового текста, который обретает пространственные и временные характеристики настоящего [5, с. 29–30].

При понимании интертекста как текста или фрагмента текста, в котором происходит интертекстуальное взаимодействие, интертекст рассматривается как конкретное проявление интертекстуальности, при котором принимающий текст содержит внешние тексты. Интертекст в таком случае создается с помощью различных отсылок к ранее созданным текстам. Эти отсылки существуют в виде цитат, аллюзий, реминисценций и т.д. Именно при таком понимании интертекста можно говорить о «фигурах интертекста» в терминологии В.П. Москвина [7].

Итак, термины «интертекстуальность» и «интертекст» различаются следующим образом: *интертекстуальность* – это общее свойство текста, обусловленное наличием в принимающем тексте фрагментов или целых текстов, а также кодов иных текстов, а под *интертекстом* – конкретные случаи проявления интертекстуальности. Интертекстуальность обычно создается не одним, а несколькими интертекстами. В частности, П.А. Становкин отмечает, что интертекстуальность – это «механизм, возникающий на основе ассоциирования, проявляющийся в виде системы интертекстов» [8, с. 196].

Понимание интертекста как конкретного проявления интертекстуальности позволяет рассматривать интертекст как единицу анализа интертекстуальности.

Поскольку для обозначения составных компонентов интертекста используются разные термины, возникает необходимость их рассмотрения с целью выбора нужных для нашего исследования терминов.

Для обозначения текста, в котором фиксируются различного рода связи с иными текстами текстового пространства, возможны такие термины: «текст-реципиент», «принимающий текст», «посттекст», «производный текст», «вторичный текст». Данные термины, за исключением термина «вторичный текст», представляются приемлемыми для обозначения текста, по отношению к которому устанавливаются интертекстуальные связи, однако наиболее удачными, на наш взгляд, являются такие термины, как «текст-реципиент» и «принимающий текст».

Что касается термина «вторичный текст», то он имеет избирательное употребление. По определению С.В. Ионовой, вторичный текст – это «интертекстуальное явление парадигматического типа, образующееся путем преобразования текста-основы» [3, с. 156].

Из анализа предложенных С.В. Ионовой [3, с. 215–260] классификаций вторичных текстов явно вытекает, что о вторичном тексте речь идет тогда, когда исходный текст полностью подвергается преобразованию, что не отражает специфику интертекстуальных включений из научных текстов.

Текст, на который имеются ссылки в тексте-реципиенте, обозначается такими терминами: «прототекст», «исходный текст», «текст-источник», «опорный текст», «текст-основа», «текст-оригинал», «текст-прототип», «референтный текст», «базовый текст», «предтекст», «претекст», «пратекст», «подтекст», «текст-ассоциат», «прецедентный текст», «архетекст», «текст-донор», «первичный текст».

Некоторые из перечисленных терминов:

- используются в паре с определенными терминами;
- имеют узкое употребление;
- приняты в иных теориях или дисциплинах;
- обладают многозначностью.

К терминам, используемым исключительно в паре с другими терминами, относится термин «первичный текст». Он употребляется рядом с термином «вторичный текст».

Узкое значение свойственно терминам «архетекст» и «прецедентный текст».

Архетексты – это наиболее древние тексты текстового пространства. Этому, в частности, способствует наличие в термине «архетекст» такой понятийной характеристики, как «архаичность».

Термином «прецедентный текст», введенным в научный обиход Ю.Н. Карауловым, обозначается текст, значимый для формирования языковой личности и обладающий такими свойствами, как общеизвестность, ценность, многократная воспроизводимость (реинтерпретация). Научные тексты по Ю.Н. Караулову не относятся к прецедентным текстам, поскольку они являются ценностно-значимыми, известными и реинтерпретируемыми они являются лишь для определенного профессионального социума [4].

Термин «подтекст», используемый в значении «интертекст», изначально принадлежит литературоведению. Под данным термином закрепилось его традиционное понимание как невыраженного словами (имплицитного смысла) текста, как факультативной категории художественного текста [2]. В случае выявления подтекста в традиционном смысле может иметь место соотносительность с текстовым пространством, когда в тексте-реципиенте есть различного рода цитаты или аллюзии, но для подтекста такие явления носят частный характер.

К многозначному термину относится термин «предтекст». По мнению О.К. Кулаковой, понимание данного термина зависит от того, трактуется ли этот термин с временной или с пространственной позиций. В первом случае термин «предтекст» имеет значение текста-источника. Во втором случае данный термин воспринимается в значении единиц членения текстов, предшествующих основному тексту (введение, пролог, преамбула) [6, с. 43].

Теперь из оставшегося числа непроанализированных терминов, используемых для обозначения текста, послужившего источником интертекстуальных включений, в нашем исследовании будем использовать как взаимозаменяемые термины «прототекст» и «текст-донор».

Для непосредственно фиксируемых включений различного рода в анализируемом тексте могут использоваться следующие термины: «интекст», «цитата», «аллюзия», «реминисценция», «вкрапления», «включения», «интертекстуальные включения».

Широкое распространение получил термин «интекст». По П.Х. Торопу, к интекстам относятся как целые произведения в виде рассказов, стихотворений и т.д., так и отдельные части прототекста, представленные пастишем, цитатой, стилизацией, реминисценцией, перифразой, антономазией, пересказом, бурлеском, травести или аллюзией. Второй вид интекстов, считает исследователь, является наиболее используемым [9, с. 132]. Интекстами, по мнению С.В. Ионовой, являются тексты, «апеллирующие к готовым словесным образцам, включаемым в ткань нового произведения» [3, с. 146]. И.В. Арнольд, в качестве интекстов, кроме текстовых включений, рассматривает языковые или кодовые включения, связанные с отличным от основного текста типом коммуникации [1, с. 414–415].

Термин «интекст», таким образом, является довольно объемным понятием, включающим и цитаты, и аллюзии, и реминисценции, и вкрапления, которые могут быть в то же время рассмотрены как отдельные маркеры интертекста.

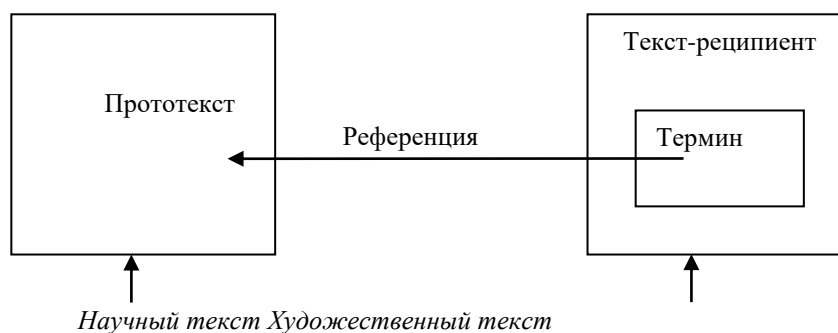
Мы будем его использовать для обозначения той единицы, которая включается в принимающий текст. В качестве синонима также будем употреблять термин «терминологическое включение».

Использование термина в составе интертекста позволяет присвоить интертексту имя «кодовый интертекст».

Представим составные компоненты кодового интертекста в виде схемы:

Схема 1

Составные компоненты кодового интертекста

Кодовый интертекст состоит из текста-реципиента (в нашем случае художественного текста), который принимает термин в качестве средства создания кодовой интертекстуальности. Включенный в состав текста-реципиента термин отсылает к прототексту (в нашем случае к научному тексту), являющемуся средой бытования термина: на схеме это отношение показано при помощи стрелки,

указывающей на направление референции. Под референцией обычно понимают «отнесенность актуализированных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотантам)». Применительно к теории интертекстуальности *референция* – это отнесенность текста-реципиента к прототексту.

Литература

1. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность [Текст] / И.В. Арнольд. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1999. – 444 с.
2. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И.Р. Гальперин. – Изд. 5-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
3. Ионова, С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов [Текст] / С.В. Ионова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – 380 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
5. Кузьмина, Н.А. Интертекст и его роль в процессах поэтического языка [Текст] / Н.А. Кузьмина. – М. : КомКнига, 2007. – 272 с.
6. Кулакова, О.К. Интертекстуальность в аспекте жанрообразования (на материале жанра фэнтези) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / О.К. Кулакова. – Иркутск, 2011. – 242 с.
7. Москвин, В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили [Текст] / В.П. Москвин. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 168 с.
8. Становкин, П.А. Специфика некоторых сюжетов-интертекстов в лирике О.Э. Мандельштама (на материале сборников «Камень», «Tristia» / П.А. Становкин // Русская речевая культура и текст : материалы VI международной конференции (г. Томск, 25-27 марта 2000 г.). – Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. – С. 196-201.
9. Тороп, П.Х. Тотальный перевод [Текст] / П.Х. Тороп. – Тарту : Тартуский ун-т, 1995 — 220 с.
10. Riffaterre, M. La trace de l'intertexte [Text] / M. Riffaterre. – La pensee, 1980. – № 215. – P. 4-18.

ВИТАЛЬНАЯ И МОРТАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ВРЕМЕННЫХ РАМОК РОМАНА Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»

Лю Юйцин (liu yuqin 刘玉琴)

*Доцент института иностранных языков
Восточно-Китайского педагогического университета в Шанхае*

Аннотация. В статье дается понятие витальной и мортальной лексики, представленной в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», которая рассматривается с учетом категории времени («прошлое – настоящее – будущее»), что обусловлено возможностью приблизиться к более полному пониманию понятий «жизнь» и «смерть» как основополагающих в романе и в представлении писателя. Выделенные семантические категории мортальной и витальной лексики позволяют также раскрыть понятие жизненного пути, идею начала и конца человеческой жизни.

Ключевые слова: витальная лексика, мортальная лексика, понятие «жизнь – смерть», хронотоп.

Понятия «жизнь» и «смерть», являясь неотъемлемой частью мировой, в том числе и русской культуры, отражают национальное и религиозное сознание народа. В русской литературе эти понятия приобретают особое значение, и творчество Б.Л. Пастернака служит тому примером. Философская мысль и художественные особенности романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» выражают уникальную мысль писателя о жизни и смерти. Тема жизни и смерти является одной из значимых в романе и находится в непосредственной связи с другими затронутыми в этом произведении темами.

В настоящее время среди научных работ отечественных лингвистов и литературоведов можно выделить ряд разноаспектных исследований о понятиях «жизнь» и «смерть» в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Одно из встреченных нами, автором которого является Цзюй Юньшэн [句云生, 2014], представляет собой сопоставительное исследование понятий жизни и смерти в русской и китайской языковых картинах мира на материале пословиц. Понятия жизни и смерти в контексте данного произведения рассматривались и с точки зрения христианства, при этом китайский исследователь Чен Цзе [程洁, 2000] выделил в своей работе триединство «жизнь – смерть – существование». Также провел всестороннее исследование понятия жизни в романе Б.Л. Пастернака Сунь Вэньцзюнь [孙文君, 2011], уделив внимание символам жизни в природе, концепции жизни доктора Живаго и жизни других персонажей романа.

Однако, среди научных работ, посвященных понятиям жизни и смерти в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго», нами не встречено исследования, где рассматривалась бы во времени и пространстве, т.е. в рамках хронотопа, витальная и мортальная лексика, т.е. лексика обозначения понятий жизни и

смерти. Хотя, на наш взгляд, с ее помощью можно в новом аспекте увидеть представление писателя о жизни и смерти, его отношение к данным понятиям.

В романе Б.Л. Пастернака выражены основные взгляды автора на, казалось бы, разнонаправленные понятия «жизнь» и «смерть». В произведении мы не только наблюдаем жизнь и смерть многих героев. Перед нами их различные представления о жизни и смерти, которые формируются из наблюдений за событиями, происходящими в романе: революция и войны, приводящие к гибели людей, их кончина от болезней и старости.

В «Докторе Живаго» жизнь понимается Б.Л. Пастернаком как одухотворенная и одухотворяющая материя, находящаяся в вечном движении. Смерть же в представлении писателя представляет собой временный этап на пути человека от жизни к бессмертию [Чумак, 2006, с. 15]. Можно сказать, что понятия жизни и смерти в произведении не ограничены значениями «начало» и «конец» жизни человека.

Жизненный путь тесно связан со временем и пространством, которые в их взаимосвязи можно рассматривать как социально-культурный феномен. Синтез времени и пространства дает нам понятие «хронотоп» - «формально-содержательную категорию литературы, отражающую тесную взаимосвязь художественно освоенных пространственно-временных отношений» [ЛЭС, 1987, с. 234], что подразумевает изображение времени и пространства в художественном произведении в их единстве, взаимовлиянии.

Понятия «жизнь» и «смерть», на наш взгляд, - основополагающие в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Их рассмотрение позволяет приблизиться не только к пониманию идеи произведения и постижению характера персонажей, но и узнать, что такое жизнь и смерть в представлении самого писателя, а значит, найти ключ к его творчеству.

Семантически понятия жизни и смерти находят свое выражение в витальной и смертной лексике.

Под витальной (от лат. «vita» – «жизнь») мы подразумеваем лексику, в которой «доминирует семантика жизни, объект оценивается как живой» [Звездина, 2011, с. 12].

Выделенная нами в тексте «Доктора Живаго» витальная лексика преобладает над смертной в количественном отношении и отличается большим разнообразием значений: жизнь, живой (жив-), жить, бытие, существование, воскресение, бессмертие и т.д.

Смертной (от лат. «mors», «mortalis» – «смерть», «подлежащий смерти, смертный; тленный; человеческий») мы называем лексику, в которой «доминирует семантика смерти» [Звездина, 2011, с. 13]. Иначе говоря, речь идет о лексике «с характеристикой смерти как прекращения жизнедеятельности живого организма. Смертная лексика описывает предметный мир как живой организм, который рождается, стареет и умирает; таким образом, создаётся некое тождество мира живых и мира предметов» [Звездина, 2011, с. 13].

Смертная лексика в тексте романа характеризует объект со значением смерти: смерть, смертный, смертельно, смертоубийство, умереть (умирать), умерший, гибель, убить (убиться), убийство и т.д.

В данном исследовании мы рассматриваем витальную и смертную лексику в категории «прошлое – настоящее – будущее», то есть с точки зрения времени, которое вместе с категорией пространства композиционно организует роман Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго». Это помогает увидеть особый характер времени в произведении.

С представлением о жизни соотносится понятие времени и жизненного пути. Время жизни – это путь человека от рождения до смерти, заданный изначально. В семантическом поле «жизнь» выделяется значение «промежуток времени от рождения до смерти, срок существования определенного живого существа».

Для того чтобы описать путь жизни человека, в романе Б.Л. Пастернака используется витальная лексика с целью показать процесс, протекающий во времени, на основании чего можно выделить отрезки (день, минута); периоды (самый трудный период моей жизни); этапы (начало, середина, конец), а также временные планы жизни (прошлое, настоящее, будущее – прошлая / старая / теперешняя / нынешняя жизнь / новая / будущая жизнь).

Так, в романе нами встречены примеры витальной лексики, которые можно отнести к семантической категории «**жизненный этап**» в значении «непостоянное, временное явление». Среди них выделяются две группы лексических единиц со значениями: 1) определённый период и 2) тип существования.

Среди тех, которые относятся к группе «**определённый период**», описывающей ограниченный временными рамками отрезок, мы встретили в тексте «Доктора Живаго» следующие: «*пока жива была мать*», «*при жизни покойной*», «*в недолгие промежутки жизни*», «*жизнь провели при машинах*», «*детская жизнь*», «*в разную пору его жизни*», «*жизнь отдельно от мамы*», «*построить свою жизнь как-нибудь одиноко и независимо*». В данных примерах витальная лексика показывает разные этапы жизни человека, в том числе и связанные с возрастом, а также те, которые определяются присутствием других людей в жизни человека.

Вторая группа «**тип существования**» достаточно обширна и характеризуется субъективным восприятием времени. Представленная в ней лексика описывает

- характер жизни («*деловая жизнь*», «*практическая жизнь*», «*семейная жизнь*», «*совместная жизнь*», «*жизнь неприкрашенная*», «*обыкновенная жизнь*»);

- ее качество («собачья жизнь», «существование - это комок грубого», «жизни, творчески обогащенной», «жизнь, похожая на жизнь окружающих», «в темном дремучем лесу своей жизни», «жизни, которую можно видеть на картинах», «жизни генерализированной», «жизнь по-захолустному»).

Витальная лексика, вошедшая в группу «жизненный этап», с точки зрения семантики свидетельствует о том, что каждый человек переживает какие-либо события на разных этапах жизни; иногда это продолжается долгое время, иногда - всего лишь мгновение.

Помимо указания на определённый период витальная лексика может показывать жизненный путь человека, т.е. его прошлое, настоящее и будущее как важные временные составляющие всей человеческой жизни.

Для того, чтобы показать временную организацию пространства романа «Доктор Живаго» с помощью витальной лексики, а также восприятие времени мы разделили лексические единицы на семантические группы: 1) прошлое, 2) настоящее, 3) будущее.

В группе **«прошлое»** на основании примеров мы выделили три подгруппы: «жизнь как воспоминание», «прошлое как опыт», «возвращение к прошлому».

В подгруппе **«жизнь как воспоминание»** присутствуют следующие примеры: «мысли о прежней налаженной жизни», «обращался он ко всей своей жизни», «перебираю всю нашу жизнь», «каждый про себя пересматривал жизнь», «рассказать про свою жизнь», «за эти пять или десять лет пережили», «по отношению ко всей предшествующей жизни тридцатых годов», «старая жизнь и молодой порядок». С помощью витальной лексики описывается жизнь в воспоминаниях людей. Люди обращаются к прошедшим событиям, дают им оценку.

В подгруппе **«прошлое как опыт»** нами встречены примеры: «всё в жизни перепробовала», «такого не видался, в жизнь не пересказать». Жизнь в прошлом представлена как насыщенный период, благодаря которому был получен значительный опыт.

Третья подгруппа – **«возвращение к прошлому»**, где витальная лексика выражает попытку либо желание вернуться («рвался к этой жизни обратно», «кончить эту, новую прежде, чем вернуться к той, прерванной») или возвращение в прошлое, восстановление прошлой жизни («вернётся в жизни покой и порядок», «начинается прежняя жизнь»), неприятие новой жизни, настоящего момента («доктор тревожился за эту жизнь», «это ведь из совсем другой жизни»).

Примеры витальной лексики группы, описывающей в произведении **настоящее**, редки: «мы с вами живем в эти дни», «неведение о нашей современной жизни». Витальная лексика в данной семантической группе обозначает жизнь здесь и сейчас, т.е. настоящий момент, настоящее время.

Последняя группа витальной лексики – **«будущее»** - подразумевает дальнейшую жизнь и планы: «через всю жизнь на много лет вперед», «в жизни больше уже никогда ничего не видеть», «он всего добьется в жизни, всех разыщет», «я тебя никогда не увижу, никогда, никогда в жизни», «устроить жизнь отдельно от мамы», «построить свою жизнь как-нибудь одиноко и независимо».

В целом витальная лексика в категории «прошлое – настоящее – будущее» описывает перемещение человека по временной шкале, его путь от рождения до смерти. А также подчеркивает мысль о том, что, хотя «человек способен изменить пространство своего существования ..., но при этом он неизменно остается во времени, из круга которого не способен выйти» [Цзоу, 2013, с. 205].

Среди представленных выше лексических единиц есть те, которые показывают определённый период жизни людей и отношение к нему, а также их прошлое, настоящее и будущее. Витальная лексика с маркером времени показывает время жизни в движении. Это движение может быть направлено вперед, к будущему, к предстоящим событиям или же к прошлому, когда воспоминание о событиях былого или осмысление жизненного пути предстают как удаление от настоящего.

Представление о жизни соотносит понятие времени с понятием жизненного пути. Аналогичным образом, благодаря ассоциации с понятием пути можно выделить идею «начала» и «конца». На жизненном пути человека идея конца довольно часто сочетается с понятиями «конец жизни», «смерть» и «гибель». Смерть ставит точку в конце жизненного пути человека. Понятие смерти находит отражение в мортальной лексике.

В первой категории **«жизненный этап»** на примерах лексических единиц мортальной лексики мы рассматриваем период, когда произошла смерть, и выделяем две подгруппы: 1) «определённый период» и 2) «продолжительность смерти».

Под **«определённым периодом»** мы подразумеваем временную характеристику, указание на время: «вечер смерти», «зимой, когда всё кругом помертвело», «я был тогда непоправимо несчастен и погибал», «число людей, знавших умершего в разную пору его жизни». В данной случае мортальная лексика указывает на период, когда произошла смерть.

Подгруппа **«продолжительность смерти»**, представлена примером: «Лучше-де скорая смерть, чем долгая от голоду».

Временные характеристики также находят отражение в мортальной лексике в категории «прошлое – настоящее - будущее», на основании чего были выделены следующие семантические подгруппы: 1) прошлое, 2) настоящее, 3) будущее, 4) вневременность.

В группе **«прошлое»** примеры мортальной лексики подразделяются на подгруппы: «смерть как воспоминание» и «возвращение к прошлому», подчеркивая представление о том, что человеческая жизнь

всегда сталкивается со смертью. С помощью мортальной лексики здесь показана смерть, которая описывает прошлое и находится в прошлом. Время организует восприятие, в том числе и память [Жиличева, 2013, с. 133].

Мортальная лексика дает своего рода ретроспективный обзор, представляя **«смерть как воспоминание»** в следующих примерах: *«весь этот девятнадцатый век со всеми его революциями в Париже, ...все задуманные царевубийства», «во времена белых ...убийства из-за угла по мотивам личной мести», «тут в атамановщину такое творилось! Похищения, убийства, увозы»*. В большей части данных примеров присутствует указание на определенный временной промежуток, эпоху, пересечение различных временных пластов, их синхронном переживании.

Мортальная лексика может свидетельствовать и о **«возвращении к прошлому»**: *«Но кто кого убил, Тягунова ли Огрызкову или Огрызкова Тягунову, никому неизвестно», «Юсуна отец в солдатах пропал, убили, да как, ни лица не оставили, ни рук, ни ног»*.

В категории **«настоящее»** имеются такие примеры, как *«не жил я еще, молод умирать»*, *«крики «караул», «убили» и множество других слились в что-то неразличимое»*. В данном случае мортальная лексика выражает факт смерти и отношение к смерти в настоящий момент.

Мортальная лексика представляет **«будущее»** в примерах: *«погоревших невозмутимым тоном оракула предсказывал гибельные потрясения на ближайшее время», «Лара хотела убить человека»*. Временными характеристиками будущего являются связанные со смертью картины будущего или планы, т.е. подразумевается, что смерть произойдет в будущем.

Кроме того, есть группа, где лексические единицы мортальной лексики выражают **«вневременность»**. В ней смерть показана вне рамок какого-то периода или этапа, т.е. не ограничивается временем: *«...разве может быть польза от смерти, разве может быть в помощь смерть», «мы умираем мучениками на заре мировой революции», «мёртвая вечность бронзовых памятников»*.

Таким образом, мортальная лексика в категории «прошлое – настоящее – будущее» описывает смерть на разных этапах жизненного пути человека. Нами выделены такие семантические группы, как «определенный жизненный этап», «прошлое, настоящее, будущее» и «вневременность». Последняя говорит о том, что мортальная лексика обозначает только факт смерти (убийство или гибель) в разные периоды жизни, но при этом не показывает эти периоды, в отличие от витальной. Мортальная лексика имеет значение конца жизни, гибели и смерти в прошлом, настоящем и будущем и дает понятие о времени как памяти и субъективной категории восприятия.

Для Б.Л. Пастернака жизнь – основа существования, объединяющее начало; отсюда возникает связь прошлого, настоящего и будущего. Лексические единицы витальной и мортальной лексики присутствуют в «Докторе Живаго» в большом количестве, и с помощью них в рамках «прошлое – настоящее – будущее» писатель описывает в романе путь человека от рождения до смерти, определённые периоды жизни; он показывает картины прошлого, настоящего и будущего и подчеркивает мысль, что неумолимый ход времени изменить невозможно.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // М.М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. — М.: Художественная литература, 1975. — С. 234-406.
2. Жиличева Г.А. Конфигурация времени в нарративе романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Сибирский филологический журнал. — 2013. - №3. — С. 130 -141.
3. Звездина Ю.В. Метафора в повествовании: композиционно-языковой аспект (на материале современной русской прозы) // Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Улан-Удэ, 2011. — 23 с.
4. ЛЭС — Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П. А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — 752 с.
5. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго: роман / Б. Л. Пастернак. — С.-П.: Азбука, 2012. — 704 с.
6. Цзоу В., Ничипоров И.Б. Религиозное переживание времени в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Научный диалог, 2019. - №3. — С. 202-213.
7. Чумак О.С. Корреляция концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле Б.Л. Пастернака // Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — М., 2006. — 21 с.
8. 程洁. 生·死·生存——《日瓦戈医生》解读.苏州铁道师范学院学报（社会科学版），2000.
9. 句云生. 俄汉语言世界图景中的生死观对比.黑龙江·黑龙江大学·2014.
10. 孙文君. 《日瓦戈医生》中的生命意识.南京, 南京大学, 2011.

ISSN - 2712-9705

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
"CHRONOS: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ "**

№ 2 (22)/2021

Члены редакционной коллегии:

- Бойко Д.П д-р филол. наук, Волгоградский государственный социально-педагогический университет
- Кузнецов О.В канд. ист. наук, Бурятский Государственный Университет
- Опенько А.А канд. филос. наук, Национальный университет «Киево-Могилянская академия»
- Асаналиев Уланбек Аскарбекович- канд.полит.наук, Кыргызско-Турецкий университет «Манас»
- Смутко Алексей Николаевич — канд.филос.наук, КГУ им. И.Арабаева
-

Художник: Косыгин В.Т

Верстка: Зарубина К.Л.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал «Chronos: естественные и технические науки»

Электронная почта: society@chronos-journal.ru

Официальный сайт: chronos-journal.ru

Учредитель и издатель ООО «Serenity-Group»

Тираж 200 экз.

Отпечатано в типографии:

117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17Б пом. XI ком. 139